

Они устроились за каменным столом в тени раскидистого дерева неподалеку от дома, неторопливо попивая чай со сладостями. Стоило Бэйшэну отойти, как Ли Сы с живейшим любопытством обратился к старшему внуку, забавно коверкая слова на непривычном для себя путунхуа:

— Чэнху, а Чэнху! Ты когда трубку-то брал, там и правда сказали, что это твоя... девушка звонит?

Слово «девушка» давалось старику с трудом. Ему куда привычнее было сказать «невеста» или «пара», но он побоялся, что внук из столицы его просто не поймет.

— Ну да, — подтвердил Чэнху.

Ли Сы расплылся в широкой улыбке:

— И что же она наговорила?

Мальчик послушно кивнул. Он унаследовал высокий отцовский лоб, и когда соглашался с кем-то, его пухлое личико принимало забавный и очень милый вид. Сначала он усердно прожевал угощение и только потом, надув щеки, заговорил:

— Женский голос. Спросила Ли Бэйшэна — это же нашего малого дядю так зовут, да?

Он заглянул в глаза деду и, дождавшись утвердительного кивка, уверенно продолжил:

— Она там прямо шмыгала в трубку. Точно плакала. Чжэньчжэнь всегда так делает, когда ревет.

Да уж, стоило Чжэньчжэнь выбиться из сил от слез, когда отцы наотрез отказывались потакать ее капризам, как она принималась точно так же судорожно всхлипывать и икать. И вскоре затихала. Чэнху этот звук знал слишком хорошо и сразу сообразил: та женщина на другом конце провода отчаянно пыталась сдержать рыдания, оттого и голос у нее был такой хриплый.

— Точно говорю, редела навзрыд, — авторитетно заявил старший брат.

— Ничего я не реву! — вспыхнула Чжэньчжэнь, услышав, что речь зашла о ней. Щеки ее порозовели от смущения.

Чем старше она становилась, тем меньше ей хотелось лить слезы. Если ей что-то требовалось или было обидно, она теперь старалась говорить прямо. Папочка ведь всегда твердил: от плача толку мало. Будешь просто реветь и топтать ногами — ни папа, ни папочка ухом не поведут. Это дедушка сразу прибежит, обнимет и давай утешать, а с родителями такой номер не пройдет.

— Ну конечно, сейчас ты плачешь меньше, — фыркнул Чэнху. — Просто в детстве все слезы выплакала, вот они и кончились.

— Папа! Ты слышал, что он говорит? — Чжэньчжэнь надула губы и обиженно посмотрела на Ли Кая.

— Кхе-кхе... Чэнху, негоже так над сестрой подшучивать, — мягко пожурил сына Ли Кай. — Видишь, она у нас теперь умница, почти не плачет. Не нужно ворошить прошлое.

— Хм, чуть что — сразу ябедничать, — проворчал мальчик.

Раньше была плаксой, теперь стала ябедой.

Ван Сюань не стал вмешиваться в вечные споры брата и сестры. Он повернулся к младшему, Чэншаню. Тот сидел, склонив голову набок и подперев кулачком пухлую щеку. К тарту он даже не прикоснулся, лишь лениво ковырял бисквит маленькой вилочкой. Ван Сюань аккуратно забрал у него прибор. Мальчик тут же вскинул голову и недовольно надулся:

— Это мое! Папочка, отдай!

— Зачем она тебе? Все равно не ешь, только переводишь продукт.

— Буду я есть, буду! Ну папочка-а-а! — захныкал Чэншань, принимаясь забавно болтать ножками под столом. Он потянулся всем телом вперед, пытаясь выхватить вилочку обратно.

— Посмотри на брата и сестру: что дают, то и едят. И почему ты у нас такой особенный? — вздохнул Ван Сюань. — Вечно капризничаешь, это не хочу, то не буду. Не даешь — требуешь, а дашь — возьмешь в рот один кусочек и мусолишь его бог весть сколько. Ты на свои зубы посмотри, уже ведь темнеть начали!

— Вот и я говорю, зажрались они, — вставил Гоудань. — Нас бы в их годы отправить, когда мы впроголодь жили. В наше время они бы за сухую горбушку дрались, а тут нос воротят! Какие еще капризы?

— Вот и отправим их в деревню, — кивнул Ван Сюань. — Из вещей — только одежда, никаких лакомств с собой.

Он повернулся к Ли Сы:

— Дядюшка, и вы им никаких сладостей не покупайте. Строго трехразовое питание, и больше ничего не кусочничать. Не захочет обедать — пусть ходит голодным.

Обычно Ван Сюань отличался мягким нравом, но если дети начинали вить из взрослых веревки, он умел проявить твердость.

— Вы уж не жалейте его, это ведь для его же блага. Посудите сами: все трое родились почти в один день. Но посмотрите на Чэнху и Чжэньчжэнь — они же почти на полголовы выше Чэншаня! И все из-за его вечного упрямства за столом. Если так пойдет и дальше, у него начнется истощение. Перестанет расти, будет слабым, болезненным... Да и на умственных способностях это может сказаться.

Ван Сюань нарочно сгустил краски, и Ли Сы не на шутку затревожился. Тройняшки были его главной радостью в жизни, а Ван Сюань — дипломированный врач, его словам нельзя не верить.

— Хорошо-хорошо, — поспешно закивал старик. — Никаких поблажек. Только нормальная еда. Каша да суп — вот что силу дает, испокон веков так жили.

Раньше-то Ли Сы не придавал этому значения: ну хочется детишкам конфет — пускай едят. Сами они с Гоуданем в детстве о сладком и мечтать не могли, а тут, слава богу, достаток в доме, зачем обделять? Если внук отказывался от каши, старик просто доставал кошелек: «Чего душа желает, внучок? Дедушка сейчас мигом организует!» Даже няня при таком попустительстве не смела перечить, лишь старалась готовить как можно сытнее в надежде, что ребенок съест хоть ложечку.

Теперь же Ван Сюань твердо решил положить этому конец.

Чэншань был сообразительным мальчиком. Поняв, к чему клонит папочка, он захлопал ресницами, и на его глазах навернулись слезы обиды. Ну подумаешь, не хочется ему эту кашу есть! Зачем же сразу так пугать?

Ван Сюань тем временем велел прислуге убрать со стола все сладости.

— Не хочешь — не надо. До ужина проголодаешься, глядишь, и аппетит нагуляешь.

Чэншань попытался было закатить сцену: начал брыкаться, цепляться за одежду Ван Сюаня, извиваясь всем телом, но папочка остался непреклонен. Поняв, что капризы больше не работают, мальчик притих. Дети прекрасно чувствуют грань: стоит им нащупать слабинку — и они садятся на шею, но если взрослый проявляет твердость, они тут же прячут коготки и становятся шелковыми. Особенно такие смышленные, как Чэншань.

Два дня спустя Ли Сы и Яо Юньлань отправились в путь в сопровождении четверых детей: тройняшек и юного Бэйшэна. С ними поехали няня и нанятые Ли Каем телохранители. Поездка обещала быть заметной — все-таки статус семьи обязывал, да и отпускать пожилых родителей с оравой малышей без надежной охраны сыновья бы не решились.

В начале путешествия тройняшки так и лучились восторгом. При посадке в самолет они весело махали ручками улыбающимся стюардессам.

Однако уже через час полета их пыл угас. Первыми заерзали Чжэньчжэнь и Чэнху. Носиться по салону им, конечно, не разрешали, и няня как могла старалась занять шестилеток. В этом возрасте с ними уже можно было договориться, но детскому терпению всегда есть предел.

Чэншань крутил головой по сторонам и то и дело дергал дедушку за рукав, выпрашивая, действительно ли папа и папочка остались дома. Губки его обиженно надулись. За всю свою недолгую жизнь он впервые уезжал так далеко от родителей. Одно дело, когда они заняты на работе и вернутся вечером, но сейчас мальчик внезапно осознал: они летят туда, где пап не будет очень, очень долго!

Капризы сдерживало лишь присутствие дедушки, бабушки и обожаемого малого дяди Бэйшэна. Но стоило им наконец добраться до деревни Сикань и оказаться в совершенно незнакомой обстановке, как Чэншань окончательно пал духом. Из его глаз градом покатились слезы:

— Хочу к папе! Хочу к папочке!

Глядя на него, захлюпала носом и Чжэньчжэнь. И только неугомонный Чэнху уже носился по двору, с любопытством изучая каждый закоулок, словно заправский первооткрыватель.

Госпожа Яо вместе с няней принялись спешно наводить порядок в комнатах, готовя постели к первой ночи. Дом Ли Сы, хоть и пустовал месяцами, не ветшал — хозяин частенько навещался проводить хозяйство. К тому же в свое время Ли Кай надстроил второй этаж, так что места теперь хватало всем: и многочисленному семейству, и няне, и охране.

Узнав о приезде Ли Сы, соседка — невестка Минчжуна и Мингуана — привела с собой сноху, чтобы помочь с уборкой.

С годами, обзаведясь внуками, Ли Сы почти безвыездно жил в столице. Прежнюю деревенскую лавку он давно закрыл, передав дела племяннику, но просторный двор семейства Ли все еще оставался излюбленным местом деревенских посиделок. Летом посаженные когда-то Ли Сы деревья дарили прохладу, и у забора частенько собиралась толпа посудачить о том о сем.

Стоило хозяевам вернуться, как у ворот тут же выстроилась вереница соседей. Разглядывая столичных внуков Ли Сы, деревенские наперебой цокали языками и хвалили их завидную внешность.

— Ишь ты, старшенький-то — вылитый отец в детстве! — показывали они пальцем на Чэнху. — Гляньте, какой лоб высокий, сразу видать — умная голова!

— Похож-то похож, да только у нашего Гоуданя лоб в детстве покругче да поупрямее выдавался, а как вырос — округлился, красивый стал. И этот пацаненок подрастет, возмужает, загляденье будет!

— А белые-то какие, сразу видно — городские! Наш-то Гоудань малым как уголек ходил, тощий, черный, чисто обезьянка.

— Так в городе солнца почитай и не видят, отчего им чернеть? Да и молоком их там поят особенным, вон по телевизору рекламируют — от него дети и растут беленькими да смышлеными.

— Да ну тебя, чепуху порешь! Дело совсем не в молоке...

Селяне весело загомонили, шумно споря и делясь своими познаниями о городской жизни, каждый норовил показать себя самым сведущим.

Бэйшэн, недолюбливавший назойливое деревенское кумушество, поспешил увести племянников подальше от ворот.

— А ну-ка, ребятня, идите сюда! Вот здесь вы будете спать. Раньше это была комната вашего папы и папочки. Няня устроится в предбаннике, а вы — в глубине.

Чжэньчжэнь весело взвизгнула и, на ходу сбрасывая туфельки, с разбегу плюхнулась на свежезаправленную постель.

Услышав упоминание о родителях, Чэншань снова захлюпал носом, но Бэйшэн тут же притянул его к себе и заговорщически подмигнул:

— Ну чего ты сырость развел? Вечером наберем папе и все расскажем. А пока давайте осмотримся! У нас тут столько всего интересного, чего вы в своей столице отродясь не видели. Завтра поведу вас посмотреть на маленьких телят, на уток в пруду... О, а еще у нас тут есть настоящие боевые гуси! Они щиплются — будь здоров, чужаков во двор ни за что не пустят, охраняют не хуже наших псов!

— Настоящие гуси? — Чжэньчжэнь тут же подскочила на кровати. — Которые из стишка?

И она, старательно декламируя, звонко запела:

— Гусь, гусь, гусь! Шею к небу выгибает... Белым пухом по воде плывет, красной лапкой воду загребает! Это про них, малый дядя?

— Умница, Чжэньчжэнь, именно про них! — рассмеялся Бэйшэн.

— Ой, и я хочу посмотреть! И на телят тоже! — Чэншань мгновенно позабыл про слезы, заинтригованный рассказом.

Чэнху деловито уточнил:

— А покататься на теленке дадут? А лошади у нас есть? Или хотя бы пони?

— Лошадей нет, — честно признался Бэйшэн. — Но на телят у соседей поглядеть точно сможем.

Раньше у них в хозяйстве водилась скотина, но когда Ли Сы окончательно перебрался в город, ее пришлось раздать или продать. В те времена землю пахали по старинке, на волах, и лишь недавно в деревне начали появляться тракторы. Но даже сейчас многие крестьяне предпочитали держать скот: продажа бычка или барана под конец года приносила приличный доход. Ли Сы часто делился новостями с сыновьями, так что Бэйшэн был в курсе всех деревенских дел. Из-за программы восстановления лесов и оттока молодежи в города многие склоны и дальние поля подзаросли сочной травой — раздолье для выпаса.

— Ладно, егоза, пошли лучше наверх, — скомандовал Бэйшэн. — Дядя Лю и остальные ребята устроятся на втором этаже. Наш дом — самый высокий в Сикани, даже у тех, кто построился в два этажа, крыша ниже будет. Оттуда всю деревню видать как на ладони!

Когда-то Ли Сы знатно поднял фундамент дома перед надстройкой, отчего здание вышло на редкость величавым и просторным.

— Ух ты! Малый дядя, подожди меня!

Детвора с радостным писком устремилась вверх по ступенькам, наперегонки стараясь обогнать Бэйшэна.

<http://bllate.org/book/19654/1996899>